

ОТЕЦ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛИТЕРАТОРА М. С. ТЫЦКИХ

Тыцких Владимир Михайлович,
*моряк-писатель, поэт, журналист,
заслуженный работник культуры России,
действительный член Русского географического общества,
помощник командующего Тихоокеанским флотом по работе с
ветеранами,
г. Владивосток*

Михаил Сергеевич Тыцких с двоюродными сёстрами

Очень нескоро, но признание пришло. Отец наш – феномен, природу которого жизненно важно понять не только сыновьям. С одной стороны – обычный человек из эпохи, которая ему выпала. Один из миллионов, рядовой представитель своего поколения. С другой, – литератор, мыслитель, сумевший выразить время. А время было необычным. И поколение – не рядовым. Времени, поколению отец сыграл тревогу. Если бы его тревога была услышана, мир сегодня мог быть другим. В одном стихотворении Михаил Тыцких напишет: «легла на наши плечи судьба Земли». Он нисколько не преувеличил.

Поэтическое кредо Михаила Тыцких (посвящение Владимиру Маяковскому):

Да будет постигнута истина нами:
В поэзии нет ворожбы и мистики,
Она испокон обладает правами
Вторгаться в политику и публицистику.
Не сладить поэту с напастью суровой –
Житейская проза дика и лиха.
Бульжником в рифмы врывается слово,
И – проза взрывается в мире стиха.

Не знаю, что гнало отца с места на место. Характер его непоседливый, служебные обстоятельства, нескладывающиеся отношения с начальством и товарищами по работе? Атмосфера семейной жизни не могла быть причиной наших кочевий. Она формировалась главой семьи и не зависела от места жительства. Детская память моя начинается с деревянного «английского» барака в два этажа на улице Полярной в Лениногорске, с квартиры на верхнем этаже, где Михаил Тыцких с женой и сыном-первенцем жили с бабушкой, маминой мамой, Зоей Степановной Осиповой (Поповой), и маминой сестрой Надей. От деда Николая Фёдоровича оставался портрет над бабушкиной кроватью. Командир отделения сержант Николай Осипов без вести пропал где-то посреди войны.

Потом был Усть-Каменогорск. Старинный дом на левом берегу Ульбы, на углу улицы Горького в районе будущего кинотеатра «Орлёнок», буквально через дорогу от него. Потом – на правом берегу – изба недалеко от старого деревянного моста, стоявшего по течению чуть выше нынешнего. Оттуда память более-менее сохранила десяток – полтора мгновений, не связанных меж собою.

Володя на плече отца Михаила Тыцких. Вторая справа – мать Михаила Елизавета Тыцких. Мужчина рядом с ней – её супруг Евгений Бызов. Участник войны, журналист, последние годы жизни редактировал районную газету в Катон-Карагае. Фамилия, имена офицера и его жены (на фото справа) неизвестны. М. Тыцких дружил с ними, общались семейно. Вагончик в руках сына вскоре после того, как сделано фото, был поломан и выброшен. Отец этим вагончиком избил себя. Бил по голове – неистово и безжалостно. Детали – из-за чего, как, кто остановил – сын не помнит.

Нигде там отца как будто не было. Он присутствует только в одном фрагменте. Мы уезжаем из Лениногорска. Садимся в вагон, я втаскиваю в тамбур детский трёхколёсный велосипед с педалями на большом переднем колесе. Велосипед под мои отчаянные рыдания отнимают взрослые. Сокровище продано и остаётся соседскому мальчишке. В экспроприации решительно участвует отец. В семье нашей больше никогда никаких велосипедов не было.

В колхозе «Заветы Ильича», в селе Новоявленка за Меновным, мне исполнилось шесть лет. Там у родителей нас стало трое. Лёша до приезда в Новоявленку родился в Усть-Каменогорске, а младшенький Сергей – в Лениногорске. Видимо, мама туда ездила рожать. В Лениногорском роддоме работала то ли старшей медсестрой, то ли сестрой-хозяйкой наша родственница Анна Николаевна Шелемова. Лучшие, без всякой натяжки, безоблачные воспоминания об отце связаны с Новоявленкой. Ими навеяны мои

рассказы «Наш вороной» и «Воробушек», в которых отец предстаёт таким привлекательным, каким больше никогда не будет.

В «Заветах Ильича» с ним приключилась история, наверняка сказавшаяся на будущем семьи. Он потерял карточку кандидата в члены КПСС. Потерял нелепо. Отца любили нелепые истории. Зимой, когда мы уже уехали из колхоза, сельчане нашли документ в сене, которое отец скирдовал летом. Зачем батя взял карточку на сенокос, непонятно. Случайно прихватил её с собой или так дорожил партийным статусом, что не хотел с ней расставаться? Так или иначе, потеря обрекла его на беспартийность, что для журналиста в ту пору было чуть ли не чёрной меткой.

В «Заветах Ильича» я пошёл в первый класс. Не успел его закончить, как мы переехали на Защиту (железнодорожная станция в Усть-Каменогорске – прим. ред), сняв там однокомнатный домишко с огородом и курятником. В курятнике ещё и корова жила.

Здесь с отцом случились первые припадки агрессии.

Работал отец в редакции областной газеты. Владел служебным мотоциклом «М-72». Как-то обучал коллегу езде на нём. Ученик однажды свалил мотоцикл с высокой насыпи перед Ульбинским мостом. Мотоцикл, покотившись, перевернулся. Отец сидел в коляске. После этого и начались нетрезвые отцовские дебоши. Прежде, хорошо приняв на грудь, он просто делался словоохотливей, пел песни и читал стихи.

На Защите с нами соседствовали несколько фронтовиков. Они дружили с отцом. Ходили в гости друг к другу. По праздникам, а, случалось, и в будни собирались за общим столом. Иногда кто-то вдруг начинал скандалить. Улица узнавала об этом по крикам жён и детей. Друзья бежали умирять буяна. Потом, бывало, соседка, заметив у подруги свежий синяк под глазом, сочувственно шутила. В следующий раз они могли поменяться местами.

Отголоски войны

Мне вспоминалась Защита, когда, уже после другой войны, я читал книгу моего друга полковника В. Г. Верстакова. В «Афганском дневнике» Виктор Глебович цитирует письмо

ИМЕНА И ДАТЫ

зампотеха батальона десантников Владимира Маковей, воевавшего «за речкой на юге». Маковей пишет Глебычу, как ездил с женой в дом отдыха «Подмосковье»: «Красную площадь легко разыскали. Потом куда-то по центру пошли, не знаю даже, как улица называется. Идём себе, никого не трогаем, и вдруг сзади ба-бах! – выстрел. Я всё по науке: сгруппировался, отпрыгнул, по стене размазался. Жена хватается за руку, тянет: «Никакой больше Москвы! Едем обратно, за грибами пойдём, в лес, тебе отдыхать надо!» Я головой киваю, но спрашиваю: «Откуда стреляли? Не видела кто?» – «Да никто не стрелял, это дверь в телефонной будке хлопнула!» Оглядываюсь – правда, будка стоит. Отдышался, взяли такси – и к вокзалу...».

Первый общий семейный снимок. Владимир слева внизу, за спиной средний брат Алексей, младший Сергей на коленях у отца. На втором плане младшая сестра Раисы Тыцких – Надежда Осипова (в замужестве Яцкова). Вторая половина 1950-х, ближе к концу.

О том же и история, в которой я сам был свидетелем и участником. Что-то вроде агитбригады – писатели, композиторы, певцы – человек пять-шесть в гостях у капитана на пограничной заставе. Мы сидели за столом в кухне. Говорили на разные темы,

пели «афганские» песни. Вдруг всё изменилось. Правильнее сказать – взорвалось. Капитан закричал. В крике его, в обращённых к нам словах, полных гнева, сначала угадывался какой-то смысл. Мы скопом пытались что-то ответить, в чём-то переубедить, как-то успокоить. Но скоро увидели: бесполезно. Крики офицера стали походить на бред. Под взмахами, ударами капитанских рук всё в кухоньке норовило рухнуть, разлететься в стороны, расколоться на куски. Мы навалились на пограничника, стараясь уложить его на пол. Кто-то уже снимал с себя ремень, чтобы связать буяна. Кто-то пытался открыть его кобуру, вытащить пистолет. Пересиливая шум борьбы и крики человека, с которым мы явно не справлялись, нездешним голосом заорал Глебыч: «Встать всем!.. Отпустите!.. Идите отсюда!.. Оставьте нас!.. Быстро, уходите!». Это было неправильным, просто безумным. Но в Верстакове, в голосе его, в выражении лица, в сведённой каким-то сверхъестественным напряжением позы обозначилось нечто, что не оставляло нам выхода. Пятясь, толкая друг друга, мы отступили из квартиры на лестницу, потоптались в подъезде. Убедившись, что крики за дверью не стали громче и страшней, вышли на улицу...

Верстаков просидел с офицером до утра. Утром оба предстали перед нами бледными, осунувшимися и молчаливыми. Глебыч сказал нам: «Он был в Афганистане. И потом – в Таджикистане... Он до сих пор воюет. Мне приходилось встречаться, разговаривать с такими ребятами. Бывает, они слышат только тех, кто был ТАМ...».

Муж двоюродной маминой сестры, горячо всеми любимой тётки Маши, Иван Шубин покончил с собой. Разведчик, пулемётчик 8-й гвардейской дивизии 6-го кавалерийского корпуса, он имел всё для радостной долгой жизни. Красавиц, умниц жену и дочь Светлану. Красавца, талантливого сына, художника-самородка Сергея. Не хватало силёнки для работы, которую нужно делать мужику, чтобы обихаживать кормящую землю. Дядя Ваня пришёл с фронта без ноги...

Послевоенный синдром

Есть, должна быть причина, по которой отец, прошедший военными дорогами до Карлсхорста, где поверженная Германия подписала капитуляцию, почти не писал о войне. У него практически не было военных стихов. Прозаические фронтовые сюжеты укладывались в невеликие числом и объёмом газетные публикации, как правило, документально-воспоминательные. В изустных рассказах отца картина войны выглядела фрагментарно, как случайный набор не связанных между собой событий. Отец время от времени возвращался к одним и тем же сюжетам, которые постепенно изменялись так, что становились непохожими на себя. Это было странно видеть и невозможно объяснить. Отец и сам как будто распадался на отдельные фрагменты. В нём словно существовали несколько разных людей, не способных стать одним целым.

Он обладал уникальной эрудицией, энциклопедическими знаниями в самых разных областях. Природа – открытая книга, неформально освоенные философия, политэкономия и мн. др. едва ли явились итогом скоротечного курса Высшего военного гидрометеорологического института (ВВГМИ) в Ленинабаде и десяти классов школы им. Ушанова в Усть-Каменогорске. Кругозор отца – классический результат самообразования. Секрет его прост – чтение. Не всего, что попало под руку, но целенаправленное вдумчивое чтение актуальной периодики, художественных и научных книг, совокупно отражающих живой переменчивый мир в его развитии. Широкие знания в сочетании с аналитическим мышлением позволяют человеку верно понять прошлое, адекватно оценить настоящее и предвидеть будущее.

В истории и географии отец тоже кое-что смыслил. Казалось, на Земле не существовало уголка, неизвестного ему. К отдельным местам он относился по-особому. Никогда не бывая на Дальнем Востоке, любил этот край. Посвящал Владимиру Арсеньеву и Дерсу Узала проникновенные поэтические строки:

Притча Сихотэ-Алиня

*Опять над Сихотэ-Алинем солнце скрылось,
И ночь на звёздах, как пузырь, повисла.
Несут туманы тишину и сырость,
И путь Дерсу листвою опавшей выстлан.
Скушают ноги по тропе осенней,
Хрустят в суставах – не пора ль к причалу?
Однако мудро говорит Арсеньев,
Что нет конца пути, но есть начало.
Вон небо вздулось и висит над бездной,
А здесь, внизу, в немыслимом провале
Живёт Земля, и в хороводе звёздном
Её и духи различат едва ли.
Так говорит Арсеньев. Он-то знает!
Мала Земля, но рыба есть, и звери.
И есть тропа Дерсу – тропа лесная...
Не верит в вечность гольд, мгновеньям верит.
Играет вечность тихим листопадом,
Мерцаньем звёзд, задумчивостью гор,
Крадётся кошкой по хребтам и палям,
Ведя с Дерсу полночный разговор:
«Послушай! Не люблю я человека.
Он слишком горд и от восторга жёлт!
Не дорожит ни годом и ни веком –
Мгновения, как хищник, стережёт.
Путь человека и жесток, и узок.
Вот пепел от забытого костра,
Здесь простоту подстерегли хунхузы –
Пир дележа справляли до утра.
Прикинь, Гольд, пред правдой на колени:
Бурьяном мрака заросла тропа,
Шли по тайге искатели женьшеня –
Их след погас в пробитых черепах.
Но я добра. Я потому и вечность,
Что покрываю тлен и суету.
Из этих черепов из человеческих
Взойдут цветы, возрастут и отцветут.
Ты полюби безмолвную планету –*

ИМЕНА И ДАТЫ

*Пусть будут камни, и умрут цветы.
 Не верь соблазнам странной жизни этой,
 Не для неё, для праха создан ты.
 Оставь тропу. Твоя пора настала,
 Ничтожные мгновения не в счёт.
 Коль кости ноют, валит с ног усталость –
 Твой ручеёк в мой океан течёт...»
 Постой, однако! Хватит пустомелить.
 Мгновенья стоят вечности подчас.
 В таёжных духах крепко надо верить,
 Пока живая кровь струится в нас.
 Так говорил Арсеньев. Верно, значит!
 Ты гольду не морочай головы!
 Зовёт тропа Дерсу. Манит удача.
 Трава растёт, и муравьи живы.
 И звёзды блещут, и душа не стынет.
 Земле, как песне, жизнь моя нужна!
 Без песни мир – ведь это же пустыня.
 И вечен он, да грош ему цена.*

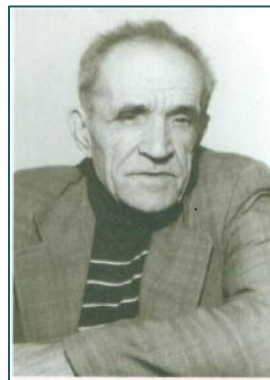
Рассказами своими, отчасти и этим стихотворением, отец заразил меня интересом к Сихотэ-Алиню, к Тихому океану.

В 1987 году он прилетел во Владивосток. Однажды я повёз его на знаменитую Шамору – бухту Лазурную в Уссурийском заливе. Хотел сделать подарок, от которого он, конечно, придёт в восторг. Шамора ещё была необжитой. Дикие сопки вокруг, широкая песчаная полоса на трёхкилометровом берегу, окаймлённом кипящим накатом прибоя. Зовуще распахнутый до горизонта морской простор. Место, многолюдное в купальный сезон, в другое время было пустынным. Когда мы приехали, не встретили на Шаморе ни одного человека. Я был уверен – в самый раз! Сейчас батя почувствует первозданное величие дальневосточной земли, мощную необозримость Тихого океана!..

И вот – мы здесь... Отец с равнодушной неспешностью вылез из «Жигулей». Сделал несколько шагов в сторону моря.

Остановился. Повернулся ко мне: «Зачем ты меня сюда привёз?!» Недоумение. Шок. Немота. Идём в машину. Быстро. Без слов едем во Владивосток...

Только теперь, спустя почти полвека после нашей поездки на Шамору, я понял, что это было. Нормальному человеку трудно

Михаил Сергеевич
Тыцких

умозрительно представить и невозможно хоть как-то прочувствовать свойство, превратившее жизнь отца и всех его близких в жестокую драму, от которой не было спасения. Михаил Тыцких не воспринимал реальность непосредственно такой, какая она есть. Реальность трансформировалась в его сознании, формируя картину мира, которую сегодня мы называем виртуальной. Память отца искажалась его подвижными фантазиями. События, факты теснились интерпретациями событий и фактов. Люди замещались образами этих людей. Отец жил в плену своих представлений о мире и городе, не в силах

выстроить с ними простых и спокойных отношений. Ничем другим отца не объяснить. А так – пазлы складываются. Под всеми его противоречиями подводится общая черта. Нестыковки в поступках стыкуются, несовместимости в характере – совмещаются. Чёрные дыры и белые пятна в рассказах о нём становятся видны и больше не вводят в заблуждение. Портрет обретает цельность.

По отрывочным воспоминаниям отца невозможно проследить его боевой путь. Но Украину он захватил. Отец был под Харьковом, на Западной Украине, где однажды лицом к лицу встретился с бандеровцами. Рассказывая об этом, сильно удивлялся, что остался жив. В общем, Михаил Тыцких прошёл по всей войне. От Москвы до Берлина. А война прошла по нему.

На фронте не тяжёлое ранение – мелочь в сравнении с контузиями. После войны слово «контуженый» было обидным, почти ругательным. Михаил Тыцких госпитальные документы с диагнозом «contusio cerebri» уничтожил. Но от последствий

ИМЕНА И ДАТЫ

тяжёлого ушиба головного мозга это не избавило. Война осталась с ним навсегда.

Фото в январе 1969-го прислано во Владивосток, где служил матрос Владимир Тыцких. На снимке: отец, мать, брат Алексей и бабушка Зоя Осипова. Младший брат Сергей, которого нет на снимке, сфотографировался отдельно и прислал своё фото Владимиру позже – в апреле того же 1969 г.

Скажи, кто твои друзья

Род наш был ветвистым. Родные по маминой линии большим числом обретались в Алтайском крае. Только мамин дядька, дед Андрей Степанович Попов с бабушкой Агафьей Егоровной, в девичестве Носовой, вырастил девять дочерей и сынов. У всех – свои дети. Мы крепко дружили со всеми. Несколько семей из Алтайского края перебрались в Усть-Каменогорск, первые годы, пока не обзаводились своим жильём, обретались в нашей двукомнатной квартире, похожей на цыганский табор.

А в Усть-Каменогорске с давних времён жила родня отцовская. Дом деда Николая стоял в центре города близ ограды парка им. Джамбула. Сейчас на дедовском огороде возвышается

кинотеатр «Юбилейный». А напротив «Юбилейного», на бывшей улице Ушанова, на месте трамвайной остановки большой – «купеческий» – дом принадлежал его дочери, тёте Марусе Маликовой... Родичи наши жили на проспекте Ленина у кинотеатра

Младший брат Сергей Тыцких

«Казахстан», на площади у Дворца металлургов, возле кинотеатра «Мир» на Пролетарской. На улицах Ворошилова, Мира, Бурова, в частном секторе от Пристани до Ульбы по обеим её берегам. В Новой Согре – на улицах Усть-Каменогорской, Менделеева и др.

Казённых квартир было немного, в основном – наследные родовые дома. С садами-огородами, баньками, хозяйственными постройками и всякой животиной в них. Почти всё со временем снесли под панельные пятиэтажки. И можно было бы не вспоминать ни про них, ни про их обитателей, но без этого рассказ об отце станет не полным. Дом наш был открыт для родни. И мы сами здесь и там –

званные и жданные.

Были ещё друзья. Первые из них: дядя Лёня Носов, дядя Дима Воронов и дядя Гера Щепетильников. Все – люди неординарные, с выдающейся биографией. Красивые, умные мужчины, классные мастера в своём деле. Отец, пока был здоров, друзей выбирать умел.

Говорили, Носов участвовал в легендарном московском параде 7 ноября 1941 года. После войны работал в Германии. В году 1955–56-м приехал в Усть-Каменогорск. Недалеко от Защиты купил большой дом. Помню номер его «Победы»: 91–91. Помню подарки, которые он привёз из заграницы. В невиданных на Защите и в Новой Согре немецких шортах я ходил в школу. В Усть-Каменогорске дядя Лёня работал на «Почтовом» заводе каким-то не рядовым инженером. Помню, как мы переживали, когда он заболел, получив большую дозу радиации.

Дмитрий Воронов имел два институтских диплома, начинал трудовой путь в газете, но, не курящий и не пьющий, не стерпел

ИМЕНА И ДАТЫ

табачного дыма в кабинетах редакции и традиционных журналистских застолий. Защитил кандидатскую диссертацию по физике-математике, преподавал в Строительно-дорожном институте, потом возглавлял бюро технической информации на Заводе приборов.

Герман Щепетильников работал в милиции кем-то вроде следователя по особо важным делам. Дослужился до майора и вдруг уволился, ушёл в школу преподавать физкультуру. Считал, что милицейская служба портит характер, огрубляет душу и приучает к вещам, к которым привыкать не следует. Я был огорчён, лишившись возможности поиграть настоящим пистолетом, когда дядя Гера приходил к нам в гости. Пистолет, конечно, мне давался без обоймы. Отличный спортсмен-лыжник, Щепетильников, сняв погоны, тренировал молодых, заслужив у них большое уважение и настоящую славу.

Одно из самых страшных происшествий в послевоенной жизни отца произошло, когда дядя Гера был у нас в гостях. В Согре мы жили в коммуналке на три семьи, народу было много. Вдруг крики, и все сбежались в нашу комнату. Пол заливала кровь. Крови было много. Красная лужа до самого порога растекалась от стола, за которым мгновение назад вроде бы спокойно беседовали отец с дядей Германом. Отец пытался зарезаться. Опасной бритвой намеревался полоснуть по горлу. Дядя Гера выхватил бритву. Отец, стремясь вернуть оружие, схватил за лезвие... От безымянного пальца на правой руке осталась культя в одну фалангу. Мизинец и средний с перерезанными сухожилиями перестали гнуться.

До конца жизни отца, когда он что-нибудь писал, я старался не смотреть на изувеченную кисть. Ручка в двух здоровых пальцах выглядела неестественно, а негнущиеся пальцы-калеки царапали по бумаге. Мне казалось, что отцу больно.

Поступки отца не казались такими дикими, какими были на самом деле. Теперь все знают, что такое «афганский синдром». В своё время с этим явлением близко познакомились янки. У них это называлось синдромом вьетнамским. Наивно думать, что после смертельной схватки с гитлеровской Германией подобного не было

в Советском Союзе. Нечеловеческое напряжение военных лет сказалось не только на психике солдат, вернувшихся с фронта. Перенесённые тяготы войны не прошли бесследно для всего населения пострадавшей страны. А жизнь не дала передышки. Надо было восстанавливать порушенное и срочно собирать силы

Старший матрос
Владимир Тыцких,
г. Владивосток,
1969 г.

под прицелом бывших союзников, уже вооружённых атомной бомбой. Советским людям пришлось работать на пределе, а то и за пределом человеческих возможностей. Кто-то терял душевное равновесие и ожесточался. Кому-то приходилось смиряться с этим, терпеть вещи, в иное, более пригодное для нормальной жизни, время – недопустимые. У народа изменился порог болевой чувствительности. Никто не говорил и не думал о каких-то синдромах. Люди просто жили жизнью, которая им досталась.

Тайны и правда Михаила Тыцких

Журналистов, писателей, бывавших в нашем доме, раз-другой ночевавших, а то и задерживающихся на неделю-две, назову далеко не всех. Сживали в наших кухоньках: Фёдор Карбушев, Сергей Киселёв, Василий Копытин, Павел Косенко, Леонид Кривощёков, Олег Мухин, Адриан Розанов, Дмитрий Рябуха, Станислав Черных, Владимир Яремчук... Нас, детей, от компании не отваживали. Разговоры, стихи, песни – всё это нас, конечно, воспитывало; и конечно, не случайно брат Алексей и я стали журналистами и даже попали в Союз писателей.

Об этом, надо полагать, и думала мама, когда говорила, что отец даёт нам то, чего она дать не может. Мама замечательно, героически справлялась с ролью гостеприимной хозяйки, хотя при наших гостях, бывало очень своеобразных, это было ой как непросто. При этом она всегда работала.

ИМЕНА И ДАТЫ

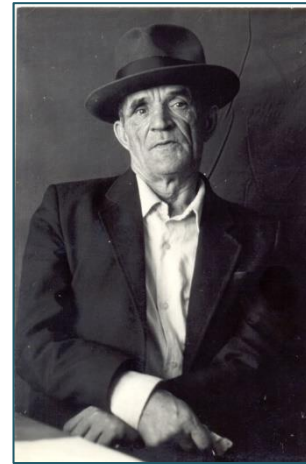
Ну и баба! Весь день не молкнет.
Я с соседом решал дела,
а она, не усвоив толком,
пьянкой горькою назвала.
И поди ж ты, судьба какая:
выбрал вроде – цветок и мёд! –
нарожала бесяток стаю.
Забушает – стаканы бьёт.
Мне, по случаю, как не выпить,
этот фарт – испокон веков.
Надо б дурь из бабёнки выбить,
но я культурный. Я не таков.

Стихотворение – как будто из зазеркалья. Образы жены и детей демонизированы запредельно. Автор и «герои» поменялись местами – в действительности всё было в точности наоборот. Достоверны «стаканы бьёт», «выпить» и «выбить». Всё это неотступно сопровождало нашу жизнь в течение десятилетий. Особенно досталось младшему из «бесят» Сергею. Он, как в своё время мама, проявлял великое терпение. До конца надеялся, что всё образуется, отец поймёт свою неправоту, и в семью придёт согласие.

В конце пятидесятых годов привычный порядок жизни пошёл на слом. Гости заглядывали к нам всё реже. Закадычные друзья отца тихо, но решительно отдалялись от него и, в конце концов, они разошлись навсегда. Показательно, что отец всю оставшуюся жизнь никогда не вспоминал их публично. Родня стала тяготиться встречами с Михаилом Тыцких, добрые отношения с его родственниками держались на маме. После её ухода их унаследовал Сергей.

Мы с Алёшей в Усть-Каменогорске бывали наездами. С отцом встречались редко и кратко. Это было тяжело.

В автобиографических текстах и рассказах отца весьма редко появлялись сведения о месте и времени описываемых событий, а если появлялись, то зачастую вызывали сомнения. То ли его обманывала память, то ли он что-то утаивал и от людей, и от себя

Михаил Сергеевич
Тыцких

самого. Теперь думаю, это происходило бессознательно. Уж слишком очевидно рассказы по месту и времени не соответствовали достоверно известным фактам жизни. Отец едва ли захотел бы дать повод для упрёков в этом.

Самое потрясающее собрание сказок об отце принадлежит Павлу Пивоварову. В солидном труде «Непоколебимый» почти на каждой странице есть малозаметные непосвящённому неточности или такая беззастенчивая, грубая ложь, что здравомыслящий внимательный читатель должен в ней усомниться.

Я познакомился с Павлом Савельевичем в 2007 году после похорон отца. Он подарил кассету с «романом» о Михаиле Тыцких. Я подробно и вполне убедительно указал автору на ошибки. Отец, по Павлу Пивоварову, воевал в составе «спецбатальона». Звучит красиво и интригующе-значительно, но к автомобильному батальону, где отец был шофёром, отношения не имеет. Таких «блох» в капитальном труде Павла Савельевича оказалось хоть отбавляй. Но это – мелочи, хотя они и вызывали не самое приятное чувство, поскольку свидетельствовали либо о провалах в памяти Михаила Тыцких, либо о его стремлении придать своей биографии дополнительный вес, а себе стяжать больший почёт и славу. С этим ещё можно было смириться. Но что было делать с утверждениями, совсем уж выходящими из ряда вон? Павел Пивоваров, к примеру, на голубом глазу писал о сорока годах тюрем и лагерей отца. Если к этому прибавить психлечебницы, где он якобы провёл многие годы, становилось непонятно, когда же отец учился в школе, работал в газетах Алма-Аты, Усть-Каменогорска, Лениногорска, в многочисленных районах Восточного Казахстана и Алтайского края? Когда руководил литобъединением «Звено Алтая», о чём дружно сообщают его

ИМЕНА И ДАТЫ

летописцы? Наконец, когда он женился, обзаводился детьми, «решал дела» с соседями и мучился «с бабой», не желая из неё «выбить дурь»?

В известных мне текстах об отце, где речь идёт о маме и Сергее, нет правды о них. Ни разу, ни в чём, никогда они не были виноваты перед ним. Я не знаю, как назвать то, что прочёл о них у Пивоварова. Рассказы отца про урановые рудники, из которых якобы бежал то он, то Естихей Серохвостов, появились после того, как отец заболел бредовым синдромом на почве истощения центральной нервной системы. Это – официальный диагноз, подтверждённый документом психиатрической больницы, которая находилась на улице Ушанова в сотне метров от трамвайного парка – как раз там, где сейчас одноимённая трамвайная остановка. Михаил Тыцких пробыл за больничным забором три дня. Мама, увидев во дворе прогуливающихся с отцом других пациентов, пришла в ужас и потребовала от докторов, чтобы отца выпустили на свободу. Пришлось написать заявление, что она не будет предъявлять претензий врачам за дальнейшее поведение больного.

Конечно, источником сокрушительных мифов о Михаиле Тыцких был сам Михаил Тыцких. И конечно, его философские труды, его борьба за сохранение природы и чистоту человеческих отношений, за социальную справедливость и, в конце концов, за мир на Земле и за жизнь самой Земли, вызывали должное уважение и бесспорное доверие к нему.

Так вышло, что по факту Михаил Тыцких – олицетворение, воплощение в одном человеке того мира, в котором мы жили. Мира не всегда ласкового, не во всём справедливого, не вполне разумного, но почти убедительно обещающего стать лучше, однако уже грозящего переродиться, уже носящего в себе уродливый зародыш того, другого, мира, в котором нам предстояло существовать в самом близком будущем. И при этом Михаил Тыцких – символ сопротивления, редкий пример человека, отдающего себя борьбе, которая кажется неравной, но без которой ни у кого нет шансов на осуществление надежд, из века в век владеющих умами и сердцами всех, кто приходит на землю.

Путник, забытый в пустыне

Не берусь судить о художественных достоинствах его стихотворений. Он великолепно знал, глубоко чувствовал поэзию. Особенно – советскую. Три первых из числа наиболее чтимых отцом поэтов: Павел Васильев, Сергей Есенин, Дмитрий Кедрин. Рядом с ними – Олжас Сулейменов. С великими отец себя не сравнивал. Эти были – великие. О том, как он воспринимал себя, можно судить по его отношению к Семёну Анисимову. Образно говоря, Тыцких смотрел на Анисимова снизу вверх.

Ковыли да ковыли –
хвостики тушканьи.
Вихорок пылит вдали
на тропе чабаньей.
Волоча косую тень
над утиной лужицей,
лунь болотный целый день
кружится и кружится.
И кулик ныряет в кочках –
длиннонос и длинноног,
и кузнечики стрекочут
по обочинам дорог...
Горизонт полупустыни
кочевым дымком пропах...
Выступает соль, как иней,
на следах и на губах...

Таких чистых, мягко-акварельных поэтических пейзажей у отца раз-два и обчёлся. К ним близки добрые повествовательные стихотворения о каких-то человеческих поступках или событиях. Не обязательно значительных, но отражающихся в памяти тёплым светом. Их тоже немного. Стихотворений о животных, кажется, больше, чем о людях. Единственное с названием «Друг» повествует о коне...

Стихи обмануть нельзя. Они соответствуют состоянию души автора в момент их рождения. Светлые, тёплые строки

ИМЕНА И ДАТЫ

складываются тогда, когда светло и тепло душе. С отцом это случалось редко. В первую очередь поэты несут творческую дань любовной лирике. У Михаила Тыцких стихов о любви практически нет. Есть признание: «Любви не знал – / Темнил я в увлеченьях». Если говорить о любви в широком понимании, то, похоже, единственным любимым человеком для отца была его мать. Между тем Елизавета Яковлевна, начитанная, умная, целеустремлённо заставлявшая себя чтить, состояла далеко не из одних только достоинств. Отец многое взял от неё. Показное небрежение нормальной семейной жизнью с её повседневным бытом, которую они называли мещанством. Неприятие чужих мнений. Неумение или нежелание хотя бы иногда гладить по голове детей и внуков. Кажется, в них они просто не нуждались. Им хватало друг друга.

Отец по преимуществу работает в жанре поэтической или, сказать скромнее, стихотворной публицистики. Жанр тяготеет к прямолинейной декларативности, к прокламации, лозунгу. Здесь художественность находит своё место с трудом. Едва ли это был сознательный выбор. Скорее – вынужденный. Он определялся тем, как автор воспринимает окружающих, чувствует жизнь, о чём болит его душа. Никогда не остававшийся без крыши над головой, Михаил Тыцких называет себя бомжом, забытым небесами и людьми, путником, забытым в пустыне, который «просквозил в кошмарах лет» и «к жизни брэнной интерес утратил». Он ждёт, мечтает, что кто-то придёт к нему «поболтать на досуге», надеется «полюбить и понять» людей, «изгнать тоску и дать душе свободу». Но, видно, вожделенные ожидания и надежды не сбываются.

Человек у него – «сей примат», «во Вселенной урод», «космический преступник и скотина», «скандальный и гордый туземец», «не верующий в Господа подлец» – «продолжает мерзости вершить» «во лжи, разбоях, блефах и проказах». Земля «изнасилованная» «корёжится от ядов и крушений». «В океанах дерьмо и мазут». Время – «кровью залитые тысячелетия». Кровоточащей нитью через всё творчество – «черти власть на Земле шабашат» и «нам капец придёт»... Такие слова и строки доминируют. И не скажешь, что они лишены оснований. Всё это –

правда. Но правда и в том, что человек и жизнь человеческая в реальности были и остаются неизмеримо огромней и многообразней, чем они предстают в работах отца. Но он видел то, что видел. Вот эту, не лучшую, сущность человека. Вот эту, изнаночную, сторону действительности. Невозможно представить, как он жил с таким трагически-безысходным восприятием земного мира, в котором при всех временах и погодах всё-таки были цветы, дети, любовь, солнце и бесконечно много всякого другого, что делает жизнь желанной, а человека красивым и сильным.

Становится очевидней с каждым днём: если мы забудем таких путников, в пустыню превратится весь мир. Уже без всякой придумки. Лично для меня отец, при всей тяжести пережитого с ним, при всех ошибках в его трудах (они есть), важен и дорог опытом познания, позволяющим видеть будущее.

«Не сладить поэту с напастью суровой»

Наверное, сравнение будет неуклюжим, однако отец напоминает мне русскую матрёшку. В том смысле, что внутри неё прячутся матрёшечки, которых мы не видим и даже не можем посчитать, пока оттуда не вытащим. Он был личностью сложносочинённой. В неуживчивом, взрывном мужчине, чья жизнь обернулась несмолкаемым боем за свои убеждения и заблуждения, где-то глубоко оставался прежний любознательный мальчик, который ещё не собирался переделывать мир, а только хотел разглядеть его во всей полноте и вывести его тайны.

С возрастом отец всё больше отдалялся от него, почти забывал о нём, но, когда изредка возвращался к себе изначальному, писал просто, сердечно, местами и восклицательно.

Снова в буйном разливе туч
Неба шёлковый парус тонет.
Снова осень с алтайских круч
Дождевые потоки гонит...

ИМЕНА И ДАТЫ

Гладь реки не шелохнётся,
Солнце балует лучом,
Льётся, льётся, льётся, льётся
Радость летняя ключом!!!
Спеют дыни, зреет вишня,
В пышных кронах – птичий рай.
День – высок! А ночью с крыши
Прямо звёзды собирай!..

Ели и пихты навстречу бегут
Сквозь сумрак вечерний гурьбою.
Кедр приметный, по пояс в снегу,
Степенно кивнул головою.
Вот он, зелёный, ершистый народ,
Приветливый и весёлый!
Лог, поворот, ещё поворот –
И вот он – таёжный посёлок.
Под окнами изб, куда ни взгляни,
Сугробы, от света розовые.
Скромные эти земные огни
Сердцу милее, чем звёздные.
А за просёлком ночует тайга,
Зимние горы сутулятся.
И грезится мне, что на свет по снегам
Деревья заходят в улицы.

Вообще, стихотворения, да и прозу свою, он с течением времени переделывал. Случалось, многократно. Эти переделывания многое объясняют.

Он всю жизнь был на войне

С прозой у Михаила Тыцких как-то не очень сложилось. Сразу после войны он в Алма-Ате, вроде бы, написал антисталинский роман. Опасаясь ареста, о котором его вовремя предупредил знающий человек, отец уничтожил рукопись и бежал на Балхаш, где

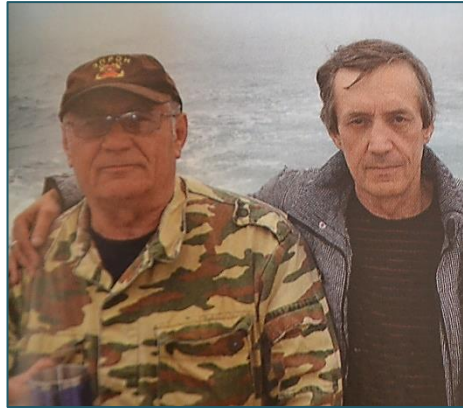
в приозёрных камышовых джунглях спрятался от возмездия. О тамошней жизни Михаил Тыцких в годах 50 – 60-х создаст «Повесть о непромокаемых сапогах». Это, на мой взгляд, лучшее, что написал отец. В повести было всё. Роскошные описания природы, яркие, психологически точные характеры героев, динамичный сюжет, ненавязчивая, но глубокая философия. И – главное – правдивый портрет ещё неведомой, но уже маячащей вдали эпохи. Кульминация «Повести о непромокаемых сапогах»: побег «за бугор», в Турцию что ли, самого важного персонажа. Выражаясь современно, это был «смотрящий» за охотхозяйством – номенклатурщик с партийным билетом, на самом деле – подпольный бай, обиравший всё Прибалхашье, наживший на непыльной должности богатство, с перевозкой которого мог справиться только большой караван верблюдов. На память о себе беглец оставил под открытым небом Советского Казахстана чёрный круг земли из-под белой юрты. Той самой, где на брошенной одинокой полке сиротливо жались друг к другу ни разу не читанные сочинения Владимира Ильича Ленина.

Повесть, разумеется, не могла быть напечатанной. Наивный автор посылал её в разные издательства и литжурналы, получал в ответ письма с похвалами и предложениями что-нибудь поправить, старательно кромсал указанные рецензентами и редакторами страницы. В результате сочинение рассыпалось на куски, некоторые из которых были где-то напечатаны в виде отдельных рассказов. А повесть пропала. Время от времени Михаил Тыцких ещё отвлекался на художественную прозу, но, в конце концов, сосредоточился на работе, получившей название «Экология и жизнь» («Вопль смертного»).

Не знаю, позаимствована ли им у кого-нибудь идея глобального приоритета экологического права, но и в таком случае он всё равно заслуживает величайшего уважения целеустремленностью и неотступничеством, с которыми продвигал эту идею, по сути, положив на неё значительную часть своей жизни и своих сил. Если эта идея полностью принадлежит ему, отец без всяких оговорок человек гениальный. И остаётся только сожалеть,

ИМЕНА И ДАТЫ

что остался неведом планетарному миру, которому жизненно необходимо последовать призывам отца.

Братья-писатели – Владимир Тыцких и Алексей Тыцких

Я долго не понимал, зачем он придумывал себе какую-то мифическую жизнь. Жизнь отца сама по себе такова, что он стал человеком легендарным. Он стал бы им без всяких измышлений и придумок. Для этого хватит того, что фактически происходило в его судьбе, хватит дел, которые он сумел и успел сделать. Штука в том, что Михаил Тыцких ничего не придумывал сознательно. Отец не лгал. Он видел мир таким, каким видел. И людей – такими, какими они ему казались. Он не мог по-другому.

Не мог осознать, что с ним происходит. Он всю жизнь был на войне. На войне за свои взгляды и убеждения. Но в то же время – на войне с самим собой, со своим недугом. В этой войне он победить не мог. Потому что жил и сражался не в реальном мире, но в мире, который существовал в его воображении. Нам это не представить. Но так было.

Второе, теперь уже совершенно очевидное достижение отца – уникально. Это анализ социально-политической практики почившего «социализма» с точки зрения марксистской науки. Вывод о том, что если мы не приведём свою жизнь в полное соответствие с марксистской теорией, то с социализмом в СССР будет покончено, и сам СССР обречён. Он перелопатил труды Ленина и Маркса. Ряд важных тезисов почерпнул из «Анти-Дюринга» Фридриха Энгельса, тщательно изучив его труд. Титаническая работа. Правоту, прозорливость отца жизнь, к несчастью, полностью подтвердила. Чего-то стоят и смелость, жертвенность, которые отец, бесспорно, проявил при отстаивании

своих идей, не избежав суда и тюрьмы. То, что он был болен, не умаляет заслуг. Наоборот, вызывает удивление и восхищение. Человек, не имея возможности избавиться от страшного и мучительного недуга, сумел и через этот недуг быть полезным людям. Сделать то, что оказалось недоступно никому более и чрезвычайно важно для всех.

Вместе с тем он – фигура трагическая. Трагедия отца, прежде всего, в его одиночестве. При любви ко всему свету, при радении за всё человечество он оказался не способен к самому простому и необходимому. Не будем говорить – к человеческому счастью, но хотя бы к нормальной жизни в семье, среди близких. Даже – среди своих сыновей. В этом нет его вины. Это – беда, к причинам которой следует, наверное, отнести, во-первых, войну и контузии на фронте, и, во-вторых, особенности полученного воспитания. Он правда был путником, забытым в пустыне. Вернее, чувствовал себя этим путником. И не важно, что пустыня, на самом деле, была сотворена, придумана им самим.

«Алтайские напевы»

В хрестоматии «Алтайские напевы» (Усть-Каменогорск, 2005) произведения выстроены хронологически по годам рождения авторов. Открывает издание старейший – Михаил Чистяков. Вторая поэтическая подборка принадлежит Михаилу Тыцких. Оба Михаила – фронтовики, повреждённые войной. Михаил Иванович после тяжёлого ранения плохо видел. Михаил Сергеевич страдал от последствий контузий. Оба – литераторы. Если не знаменитые, то довольно известные. Не только на Рудном Алтае. Оба многие годы влияли на литературный процесс в Восточном Казахстане, став для кого-то наставниками, а то и кумирами. И, может быть, как-то влияют до сих пор. Оба показывали, формировали – каждый свой – пример и образец мышления, отношения к человеку, стране, миру. Если говорить о моём отце, то к целой планете. Ко всей Вселенной. С первых послевоенных лет они были пожизненно знакомы. Случалось, недолго приятельствовали, даже почти дружили. Но, по сути, являлись антиподами. Не знаю, можно ли назвать почётного

ИМЕНА И ДАТЫ

гражданина Усть-Каменогорска, члена Союза писателей СССР, члена Союза писателей Казахстана, заслуженного деятеля искусств Республики Казахстан, лауреата союзных и казахстанских литературных премий и пр., пр. Михаила Чистякова баловнем судьбы, обласканным властью. Абсолютно точно: Михаил Тыцких таковым не был. Звания у него были иные. Антисоветчик. Политический преступник. И не только. Но другие все уже меркнут перед этими.

Сказать, что Михаил Тыцких человек сложный – не сказать ничего. Выдающийся ум отца сызмала воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Но боль, которую он причинял близким, заслоняла его достоинства. Не позволяла разглядеть причины его и нашего горя. Всю жизнь мне хотелось в нём разобраться. Хоть немного облегчить эту боль, хоть чуть-чуть извинить его...

О чём-то мы можем забыть, о чём-то не знать вообще. Но всё где-то когда-то случившееся уже не изменится. Будущее зависит от того, как мы разглядим прошлое. Как поймём, усвоим, чему оно учит. Путнику в неведомой дороге нужна карта. Человеку в жизни необходима картина мира. Картина мира нуждается в полноте, то есть – во всей правде.

Мир мог бы быть если не совершенным, то хотя бы справедливым...

Супруги Ольга и Владимир Тыцких после прохождения в «Бессмертном полку» с портретами отцов-фронтовиков

Фотографии из семейного архива писателя Владимира Тыцких.